

РАДУШКЕВИЧ Александр Радиевич (1949–2006)

Родился 18 июля 1949 г. во Владивостоке в семье морского офицера. В детстве жил в морских гарнизонах на Кольском полуострове. В 1971 г. окончил Ленинградское высшее военно-морское училище подводного плавания, служил на подводных лодках Тихоокеанского флота в Магадане. В 1974 г. уволился в запас и переехал во Владивосток. Заочно учился (три курса) в Литературном институте им А.М. Горького. Стихи печатались в дальневосточных и центральных изданиях: журналах «Дальний Восток», «Юность», «Литературная учеба», «Звезда»; сборниках: «Литературный Владивосток», «Бухта Лазурная» (Москва 1983), «Пять по пятьдесят» (1999); антологиях: «Дальний восток в поэзии современников» (1990) и «Сто лет поэзии Приморья» (1998). Автор поэтических книг, изданных во Владивостоке: «Морская раковина» (1982), «Ветер с моря» (1985), «Среди людей» (1988). Умер 2 февраля 2006 г. во Владивостоке.

БЕРЕГА ЗЕМЛИ

Поэма

1. Трава молодая

Воля вольная! Ветер идет верховой,
Веет йодом, гниющей морскою капустой.
Небо синее. Молодость. Берег пустой.
И трава шелестит одиноко и грустно.
Как бы жил я без этой большой тишины,
Сквозь которую слышишь мельчайшие звуки –
И шаги муравья, и дыханье сосны,
Надо мной распростершей зеленые руки!
Как бы жил я без грохота пенных валов
И тревожного крика туманного горна,
Как бы путь отыскал без ночных маяков
Через муку и муть трехнедельного шторма!
Город каменный. Кранов порталных леса.
Здесь пенковым канатом на улицах пахнет,
И слепит синевою и солнцем глаза
У стоящей на рейде военной брандвахты.
Лето знойное. Пляжи. Дакрон парусов
Ослепительно белых на синьке залива.
Ночи звездные. Вкус недосказанных слов
На губах самой нежной и самой красивой.
Закрываю глаза. Прижимаюсь щекой
К теплой шкуре согретого августом камня.
И почувствую вдруг – это было со мной,
Где-то в самом начале, в отчаянно давнем.

Там сквозь дымку пространства несчитанных лет
И на мокром песке отпечатанный след
Проложивших тропинку ко мне поколений.
Я — потомок солдат, хлеборобов, рабов
И безвестных героев кровавых сражений,
Я наследую землю, работу, любовь,
И салюты побед, и тоску поражений.
Из расщелин скалы молодая трава
Пробивается к свету прозрачного неба.
Наполняются смыслом простые слова,
Что важней и дороже насущного хлеба.
Время. Родина. Дом. Я на том рубеже,
На котором положено остановиться,
Оглянуться, подумать о смуте в душе,
Попытаться к себе самому возвратиться.
Долог путь по земле. И на этом пути
Что поможет с последней надеждой остаться —
До себя догresti, и с пути не сойти,
И с далеким грядущим успеть повидаться?

2. Память

Я, выросший в послевоенной стране,
На дальних окраинах нашей державы,
В глухих гарнизонах, на строгих заставах,
Был, как понимаю теперь, в стороне
От тяжких крестьянских забот и тревог,
От многих невзгод городского народа.
Но так это было, и трудные годы
Я помню со слов, как отличник — урок.
Отец. Продолжатель традиций семьи,
Военному флоту отдал без остатка
И душу и тело. Нам было не сладко
И горько порою. Так, лет до восьми,
Я часто болел. И ночами, в бреду,
Ко мне прилетали сердитые птицы,
И белые всадники шли вереницей,
И санки катились к обрыву по льду.
Я вскрикивал и просыпался. В ночи
Часы бесконечны, а звуки тревожны.
Я кутался и наблюдал осторожно,
Как мечется тонкое пламя свечи.
Я вижу и ныне — узор на окне,
Микстура в стакане, овчинная куртка,
Потеки и трещины на штукатурке,
И грустная мама склонилась ко мне.
Отец штормовал в ледовитых морях
Все долгие месяцы долгого года.

Он дома не жил, он работал в походах.
Мы, трое, на маминых были плечах.
Я помню колючую ласку щеки,
Патронные гильзы, рожок автомата –
Игрушки, и горестный вкус шоколада
Пайкового, и дуновенье тоски,
Когда среди ночи вбегает матрос,
Приносит тревогу, короткие сборы.
Свинцовые воды. Скалистые горы.
Измятая пачка его папирос...
Страна победила и все ж не могла
У Армии взять ни крупинки, ни крошки.
В кастрюле кипела сухая картошка,
И значит, сухая, но все же была.
Как были и стулья, и стол, и кровать
С дырявою сеткой, провисшею низко, –
Казенные, выданные под расписку,
Но было на чем и обедать и спать
Мы, послевоенные дети страны,
Не всё понимали, но видели рано –
Грозят нам с чужих берегов океана
Ракетные молнии новой войны.

3. Бабушка Катя

Однажды приехала папина мать –
Любимая, добрая бабушка Катя.
У ней с кружевами старинное платье,
Прямая спина, горделивая стать.
За нею плетеный несли чемодан,
А в нем не гостинцы – бумаги и книги.
Гуляли по комнате желтые блики,
За окнами тихо лежал океан.
А бабушка Катя, родная моя,
Под нашими взглядами вдруг покраснела.
Сказала:
– Ну вот, я приехала...
Села.
И не было в жизни прекраснее дня.
Она не умела готовить обед,
Стирать не умела и шить не умела.
Умела одно, но счастливое дело –
Душе открывать удивительный свет.
Ну кто бы еще нам сумел рассказать
О Смольном, где ей довелось обучиться,
О сверстницах – тех благородных девицах,
Что позже Россию учили читать.
О холоде, бедности и красоте,

О сшитых из старой газеты тетрадках,
О жизни в подвалах и чае вприглядку,
О верности долгу и первой мечте.
Она говорила, и голос дрожал,
О Чехове, Бунине и Станиславском,
Что все в человеке должно быть прекрасно,
От бабушки Кати впервые узнал.
Шаляпина слушала! А за билет
Заплачено было недельным обедом.
Приморье двадцатых. Коммуны, Комбеды.
И сорок учительству отданных лет.
Словесница, книжница, не от сего
Сурового мира, она нам дарила
Лишь книги и Слово. И сил ей хватило
Заставить нас тоже влюбиться в него.
Она похоронена там, на скале.
На черной плите золоченые строки.
И я никогда не забуду дороги
К могиле на той неуютной земле.
Над нею по пояс трава поднялась,
Веселые ливни траву напоили.
А с теми, кого мы при жизни любили,
И с мертвыми не прерывается связь.

4. Дед Александр

И я не забуду дороги к другой
Плите, на Рогожском, к погибшему деду,
Сгоревшему в танке. В бою за Победу
В том первом военном году под Москвой.
Красуясь заплатами драных штанов,
С двенадцати лет гнул мальчишечью спину –
Батрачил, ходил за чужою скотиной –
Так начал свой путь генерал Котляров.
Так в сущность марксизма вникал, и когда
Весь мир потрясло Октябрем, словно взрывом,
Он в Красную Армию с первым призывом
Пошел, присягая ей раз – навсегда.
Походная молодость. Степь и тайга.
Шатры и палатки. Пустые колодцы.
Горячая шашка над строем взовьется –
И лава как ветер летит на врага.
Он с Армией вместе учился и рос,
Командовал кавалерийской бригадой,
Но, веря, как сердцу, железному НАДО,
На танки любовь к лошадям перенес.
Ах, если бы долю предвидеть свою!
Ах, если бы в бой не с пустыми руками!

Танкисты – зубами, танкисты – штыками
В том первом своем и последнем бою.
Их смяли бомбежки, снаряды, броня,
По ним прокатилась лавина металла...
В ту черную пору всего не хватало –
Горючего, танков, орудий, меня.
Им, грудью своей заслонившим Москву,
И Вечная Память, и Слава – навеки.
Могилы военные, памяти вехи.
Я с именем деда на свете живу.

5. Я сам

На миг невозможно об этом забыть!
Тяжелому, грозному Времени нужно
И чистое Слово, и сила оружия,
Уменье стрелять и уменье любить.
И я, сотворенный из тех половин,
Учительской, миной и грубой, военной,
Шагнул за отцом в ожигающей пеной
Простор океанских ветров и глубин.
Я принял присягу в курсантском строю
У шестидюймовых орудий «Авроры»,
Соленой купели осенние штормы
На прочность проверили юность мою.
И два лейтенантских горячих звезды
В промерзшем отсеке недолго сверкали –
Тускнели и скоро зелеными стали
От сырости, соли и ржавой воды.
Мне трудно давалась нелегкая суть
Военного быта, военных порядков.
Я мерз в караулах, дремал над тетрадкой
И штангу не мог над собою толкнуть.
А мирная жизнь унесла из сердец
Те чувства опасности или тревоги,
Которые нам даже в мирной дороге
Нужны как подсумок, сухарь и свинец.
Как трудно нам было заставить себя
Забыть о покое, тепле и уюте.
Спать в мокрой одежде в клетушке-каюте
И верить, что все это – наша судьба!
И все-таки, если не я и не ты,
То кто же? И время смолело сомненья.
И первое после войны поколение,
Не знавшее войн, в бой сумеет пойти.
Я знаю жестокую силу машин
И смертью налитую сталь автомата
Я видел и зарева южных закатов

И синие льды заполярных вершин.
Я понял, что эта надежная связь –
Былого, ушедшего – с нашим, с грядущим,
Текучего, быстрого – с вечным и сущим –
Жива, и во мне она не прервалась.
Я – часть этой связи, сейчас и всегда,
И, может быть, сердце стучит оттого лишь,
Что я это понял. А ты это помнишь,
Ревущая бездна – морская вода.

6. Трава вековая

Напев тягучей песенки старинной
«зеленые пастушьи рукава...»
Зачем так одиноко и пустынно
Шумит под вечер желтая трава?
Над нею ввысь поднявшиеся грозно,
Колючими верхушками дрожа,
Куда-то вдоль упрямо смотрят сосны,
И тянется туда же вдаль душа.
Стал облаком последний слой тумана,
Февральский ветер сдул со скал снега,
И голой грудью ветер с океана
Спокойные встречают берега.
Зимой в ночи и в дымный вечер лета,
В туманный день и в дождь – всегда, всегда
Горит отсюда ясным, чистым светом
Зеленая маячная звезда.
По той звезде продолжают мореходы
Надежный путь к родимым берегам,
К тем берегам, откуда все мы родом,
Где мучиться и радоваться нам.
Где песни петь и плакать без причины,
Детей качать и в стенку биться лбом,
Где до смерти уставшего мужчину
Согреть умеет женщина теплом.
К тем берегам, где не было покоя,
А счастья было призрачным как дым,
Где я узнал с мучительной тоскою,
Что не бывать мне больше молодым.
Но – молоды, как мы когда-то, дети,
И мы еще не дряхлые с тобой,
И все, что есть у нас на белом свете,
Пусть будет нам и счастьем и судьбой.
От берега и моря не убудет
Заботой нашей ровно столько лет, пока мы есть, пока мы все же
люди,
Каких нигде во всей Вселенной нет.